

1 августа оба корпуса «Великой армии» перешли р. Западную Двину и продолжили отступление к Полоцку. П. Х. Витгенштейн, имея сведения о подходе к Полоцку корпуса Сен-Сира, ограничился достигнутым успехом и активного преследования противника не вел.

Согласно десятидневных строевых рапортов, русские потери в Свольненском бою составили 12 офицеров и 367 нижних чинов (60 убито, 268 ранено, 51 пропал без вести). П. Х. Витгенштейн в своем рапорте императору Александру I писал о 400 своих убитых и раненых. Потери французов в Свольненском бою официально не обнародовались, однако Т. Леглер пишет о своих «...200 убитых и 600 раненых, ...мы потеряли эскадрон, далеко зашедший во время схватки и, таким образом, отрезанный от нас». Очевидно, они были сопоставимы с русскими. В рапорте Военному Министру П. Х. Витгенштейн пишет, что «...в сем сражении в плен взято 3 французских офицера и до 250 рядовых, ущерб их велик убитыми и ранеными».

Определенно известно, что большие потери понесли в схватке у моста 4-й кирасирский полк М. Мену Дижона и 11-й полк легкой пехоты, а его командир, полковник Козабьянка (дальний родственник императора) был тяжело ранен и умер 2 августа. «Он был моим другом, – пишет Ж. Марбо, – когда мы оба служили адъютантами у Массены. Козабьянка был замечательным офицером, быстро сделавшим военную карьеру, но он был ранен в голову в тот момент, когда находился среди пехотинцев своего полка на берегах Свольны. Он уже умирал, когда я увидел его на носилках, которые несли саперы. Он узнал меня и пожимая мне руку, сказал, как сильно он сожалеет, видя столь неважное командование нашим армейским корпусом».

Бой у Свольны запечатлен на 6-й стене мемориала храма Христа Спасителя в Москве.

Полоцк, 5–6 августа. Первое сражение у г. Полоцка, повоевого центра Витебской губернии (ныне райцентр Витебской области) произошло 5–6 (17–18) августа 1812 года. Объединенным силам 2-го и 6-го пехотных корпусов «Великой армии» (76 батальонов, 32 эскадрона, 162 орудия, ок. 31 000 человек) под командованием маршала Н. Удино (после его ранения – дивизионного генерала Л. Гувьон Сен-Сира) противостоял 1-й отдельный

пехотный корпус русской армии (37 батальонов, 27 эскадронов, 15 сотен иррегулярной кавалерии, 99 орудий, ок.18 000 человек) под командованием генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна.

После отражения французов под Свольной П.Х. Витгенштейн преследовал по двум направлениям их отходящие к Полоцку войска. Отряд генерал-майора Б.Б. Гельфрейха (4 батальона пехоты, 4 эскадрона регулярной кавалерии, 3 казачьи сотни, 12 орудий) теснил противника по Себежской дороге, изрядно потрепав его у д. Смоляново. Другая часть русского авангарда под командованием полковника Е.И. Властова (2 гренадерских и 2 егерских батальона), перейдя р. Дриссу у Сивошино, угрожала наполеоновским войскам с фланга.

4 августа, во второй половине дня, Н. Удино собрал в Полоцке на совещание свой высший командный состав, где было решено защищать город, удерживая русских на рубеже Двины.

Дебаты на военном совете в Полоцке еще продолжались, когда с северо-запада донеслись пушечные и ружейные выстрелы. В наступающих сумерках русская пехота потеснила аванпосты противника, заняв командную высоту при выходе Себежской дороги из лесного дефиле, и лес по правому берегу речки Полоты. До рассвета батальоны Б.Б. Гельфрейха выбили противника из фольварка Присменица на окраине леса и установили связь с отрядом Е.И. Властова. Главные силы русского корпуса были уже на подходе.

Поле предстоящей битвы находилось на Полоцкой низине у одноименного, находящегося на правом берегу Западной Двины, древнейшего белорусского города, поветового центра Витебской губернии. «Положение этого города, – писал в своих мемуарах капитан 2-го полка швейцарской пехоты Л. Бего, – немного напоминает положение Лозанны. Над ним возвышается лес, похожий на тамошний. Город расположен в виде амфитеатра, начиная от берега Двины».

Барон Ж. Марбо записал в своих мемуарах, что «...этот город, расположенный на правом берегу Двины, состоит из деревянных домов, над ними высится огромный и великолепный коллеж, принадлежавший в ту пору иезуитам; почти все они были французами. Город окружен земляными укреплениями, когда-то выдержавшими осаду во время войны между Карлом XII и Петром Великим. Войска Нея, Мюрата и Монбрена, что-

бы отправиться из Дриссы в Витебск, построили на Двине напротив Полоцка понтонный мост, который оставили корпусу Удино».

Еще один участник двух Полоцких сражений 1812 года швейцарский офицер Т. Леглер вспоминал, что обработанные «...поля вблизи Полоцка простирались до леса на $\frac{3}{4}$ часа расстояния; ...место болотистое». По этим полям и тянувшимся за ними лесам протекала извилистая, шириной до 25 метров, довольно глубокая и местами протекавшая в крутых берегах, речка Полота, с устьем на западной окраине города. С севера и северо-запада к городу вели Невельский и Себежский тракты; вдоль берега Двины пролегла проселочная дорога на Дисну. На правом берегу речки Полоты, в трех километрах севернее города, располагалось село Спас, с церковью и красивым Спасо-Ефросиньевским монастырем. В двух километрах северо-западнее, па опушке леса, находился фольварк Присменица. Эти населенные пункты были ключами позиции. Через полноводную, шириной более ста метров, Западную Двину, французские саперы навели у города два плашкоутных моста.

Из мемуаров Т. Леглера известно, что наполеоновские войска «...заняли следующую позицию: наша армия образовала на правом берегу полукруг; примыкая к Двине, центр выдавался немного вперед, и часть тяжелой кавалерии перешла на левый берег; третья дивизия стояла позади в резерве». Большая часть французской позиции находилась на правом берегу речки Полоты. На левом фланге находилась 6-я пехотная дивизия К. Леграна, усиленная одним полком 8-й пехотной дивизии и несколькими эскадронами легкой кавалерии. В центре стояли 8-я и 9-я пехотные дивизии с несколькими полками тяжелой и легкой кавалерии. Правый фланг занял баварский корпус, которому, по причине отсутствия собственной кавалерии, была придана половина конноегерской бригады Ж. Корбино. Для сообщения между корпусами по приказу Н. Удино через Полоту было спешно наведено несколько мостов. В связи с тем, что маршал оставил на левом берегу Двины часть своей пехоты и кавалерии, силы противников на ее правом берегу были примерно равны.

В 7 часов утра 5 августа командир русского корпуса выдвинул свой авангард из леса в направлении с. Спас и под его при-

крытием, невзирая на сильный огонь артиллерии противника, начал быстро выводить из леса и строить в боевой порядок свои главные силы. Вскоре они образовали две линии. В центре 1-й боевой линии (от фольварка Присменица до Себежского тракта) стали Калужский, Севский и Сводный пехотные полки, эскадрон лейб-гусар и 33 орудия. Правый фланг (пространство от Себежского тракта до Двины) заняли три егерских полка (23-й, 25-й, 26-й) с эскадроном лейб-драгун и 6 орудиями. На левом фланге (от фольварка Присменица до р. Полота) находились Пермский и Могилевский пехотные, 24-й егерские полки, два сводногренадерских батальона, 5 эскадронов кавалерии (половина Гродненского гусарского полка и эскадрон лейб-улан), 28 орудий. Вторую линию составляли 4 полка пехоты (Навагинский, Тенгинский, Тульский, Эстляндский), батальон егерей, остальная русская кавалерия и 42 орудия. Корпусной резерв, находившийся у д. Ропна на Себежской дороге, состоял из 9 батальонов пехоты и 4 эскадронов драгун.

Сражение началось одновременно по всему фронту протяженностью около 8 км. Швейцарский лейтенант Т. Леглер вспоминал, как они «...заметили приближение неприятеля по пашенному полю, со стороны которого на нашу линию был направлен убийственный огонь». Полки генералов Е.И. Властова и А.В. Сибирского решительно двинулись к д. Спас на стыке центра и правого фланга неприятельской позиции. «Стрелки 24 егерского и Пермского пехотного полков, – читаем в донесении П.Х. Витгенштейна императору, – атаковали с большой храбростью мызу Спас, защищаемую находившимися в одной баварскими войсками, которые хотя беспрестанно и подкреплялись с левого берега Полоты свежими, но принуждены были оставить занятую ими часть фольварка». Тут отличился капитан Коцебу, который, как сказано в наградном листе, «... повел сам атаку на мызу Спас и, будучи впереди всех, овладел оною, причем и убита под ним лошадь».

Поняв, что дальнейший натиск русских рассечет его боевые порядки на две части, маршал Н. Удино направил сюда сильные резервы и сосредоточил огонь находящихся за р. Полотой артиллерийских батарей во фланг наступавшим. Генерал-лейтенант П.Х. Витгенштейн, в свою очередь, подкрепил свои на-

ступающие колонны 8 батальонами пехоты и 6 орудиями, взяв их с центрального участка первой боевой линии. На их место были выдвинуты 4 батальона из второй линии.

Ослабление русского центра было тут же замечено, и Н. Удино предпринял в этом направлении несколько мощных атак силами дивизий К. Леграна и Ж. Вердье. Французам удавалось доходить до самых русских батарей, но каждый раз русская пехота и артиллерия отбрасывали их.

Геройски действовал командир конной №3 артиллерийской роты штабс-капитан А.А. Бистром, который «...когда неприятель сильно устремился в центр наш, ...с отличной неустранимостью вынесся с двумя своими орудиями вперед и там встретил его картечью, чрез что смешал, опрокинул и принудил отступить». Атаку французов поддержали и баварцы, но, угодив под жестокий огонь с фронта и флангов, отхлынули. Был тяжело ранен командир 8-й пехотной дивизии Ж. Вердье. Воспользовавшись замешательством в рядах противника, генерал-лейтенант Г.М. Берг лично возглавил атаку своих солдат и вновь отбросил его на другую сторону оврага, до с. Спас. В схватке участвовал и запасной батальон Полоцкого пехотного полка (два других батальона были в составе 1-й Западной армии).

К исходу дня П.Х. Витгенштейн ввел в бой почти все войска из своей 2-й боевой линии. Взять село и монастырь русская пехота, однако, не смогла. Атакующих в упор расстреливали засекая за строениями и заборами неприятельская пехота и выдвинутые на край оврага орудия. Огнем артиллерии Спасо-Ефросиньевский монастырь был наполовину разрушен. На правом русском фланге активных боевых действий не было.

Хотя наполеоновская артиллерия вела интенсивный артиллерийский огонь с противоположного берега Западной Двины, из-за значительного расстояния русские почти не имели потерь. Пользуясь относительным загишем на этом участке, саперы полковники Е.К. Сиверса навели во второй половине дня в пяти верстах западнее города мост через Двину, а ночью – мост через Полоту севернее Полоцка.

С наступлением сумерек сражение стало стихать, но перестрелка шла до наступления полной темноты. По воспоминаниям Т. Леглера, их «...передовая линия находилась к вечеру на

тысячу шагов позади того места, на котором она была утром. ... Наш маршал Удино получил в сумерки при рекогносцировке рану (*картечной пулей – В.Л.*) в правое плечо». И это была еще не последняя рана храбреца. Командование обеими корпусами принял дивизионный генерал Л. Гувьон Сен-Сир (тоже раненый, но легко).

Ж. Марбо, под которым в этом бою русское ядро свалило лошадь, вспоминал, что сражение «...за час до заката солнца перешло в перестрелку. Однако маршал Удино не мог скрыть от себя, что на следующий день надо было все начинать сначала. ...Удино удалился верхом на лошади шагом в сопровождении единственного адъютанта и двигался среди стрелков своей пехоты, как вдруг вражеские канониры, заметив этого всадника в шляпе, украшенной белым плюмажем, прицелились и выстрелили. Маршал был ранен в руку. Удино, приказав уведомить Сен-Сира о своем ранении, передал ему командование армией. Предоставив Сен-Сиру заботу о решении всех проблем, Удино покинул поле сражения, переправился через мост, на какое-то время остановился на бивуаке артиллерии и, удалившись от армии, отправился в тыл, в Литву, чтобы залечить там свою рану. Мы вновь увидели маршала Удино лишь два месяца спустя».

Мемуарист лично наблюдал, что улицы города были загромождены зарядными ящиками и обозом, кругом царил полный хаос. Понтонный мост был слишком узким и сильно заливался водой, наступала ночь, и если бы русские продолжили массированные атаки, сражение «...для нас могло бы стать гибельным, столь мало порядка было в полках различных национальностей». Но русские войска тоже понесли немалые потери, сильно устали и огонь к темноте затих сам собой. Граф П. Х. Витгенштейн перенес свою главную квартиру в Присменицу. Сражение в этот день длилось более 14 часов.

«Утром 18 августа (*новый стиль – В.Л.*), – пишет Т. Леглер, – унесли с поля битвы тяжелораненых и похоронили убитых; так как при этом с обеих сторон не происходило стрельбы, то я полагаю, что командующие заключили, вероятно, на несколько часов перемирие. Дневной приказ известил нас в то же утро, что генерал-лейтенант Гувьон принял команду и над на-

шим вторым армейским корпусом». (Ветеран запомнил, что с утра у сооруженного ночью через Полоту моста перестрелка все же велась, правда, недолго).

Русские позиции, с учетом всех передвижений вчерашнего дня, выглядели следующим образом. Центр 1-й линии занимали Тульский и Эстляндский пехотные полки, по одному батальону Навагинского пехотного и 18-го егерских полков, 30 орудий. На правом фланге находились 23-й, 25-й и 26-й егерские полки, половина Гродненского гусарского полка и 15 орудий. На левом фланге стояли Пермский, Могилевский, Калужский и 1-й сводный пехотные полки, 2 сводногренадерских батальона, вторая половина Гродненского гусарского полка и 24 орудия. 2-ю боевую линию составляли 5 полков кавалерии (Рижский и Ямбургский драгунские, Сводный кирасирский, Сводный гвардейский кавалерийский, донской казачий Платова 4-го) и 4 батальона пехоты. (Ночью она была усилена подошедшим отрядом кн. Репнина). Корпусной резерв (Севский и Тенгинский пехотные, Сводный егерский полки, 8 батальонов других полков, пионерная рота капитана Геруа и 48 орудий) был передвинут от д. Ропна на Невельскую дорогу, став, таким образом, за левым флангом русской позиции.

Взвесив шансы на успех, П.Х. Витгенштейн решил не продолжать в этот день сражение и тянул время, распорядившись начать в 21.00, под прикрытием сумерек, отвод главных сил корпуса к с. Белое. События развернулись, однако, иначе.

Приняв командование, Л. Гувьон Сен-Сир, позабыв о своем недавнем флегматичном поведении, развил бурную деятельность. Командирам полков, под угрозой немедленного отрешения от должности, было приказано собрать под знамена всех боеспособных, а всех раненых, больных, обозы удалить на другой берег реки. Понтонный мост укрепили и, кроме того, за ночь рядом протянули еще один, только для пехоты, соорудив его из пустых бочек, покрытых досками.

В ночь на 6 августа Сен-Сир вновь собрал в Полоцке военный совет. Его результаты и последующие события он довольно подробно описал в своих мемуарах (здесь маршал почему-то пишет о себе в третьем лице). «...Главнокомандующему было нетрудно убедить своих генералов в необходимости наступления, но все удостоверили, что их войска так слабы, что не в со-

стоянии вынести всей тяжести сражения, если оно, подобно предыдущему, будет продолжаться целый день. Тогда ...он предложил им покончить дело в четыре часа, и они подтвердили, что это все, чего можно ожидать от столь истощенных людей». Было решено во второй половине дня внезапной атакой прорвать центр русской позиции, для чего к с. Спас планировалось, по возможности скрытно, стянуть три пехотные дивизии и большую часть артиллерии. Сигналом к общей атаке, по свидетельству Л. Гувьона Сен-Сира, должен был стать залповый огонь баварских пушечных батарей. (По другим свидетельствам – набат с колокольни Полоцкого иезуитского монастыря).

Для достижения своих целей французское командование применило военную хитрость. В час дня многочисленные наполеоновские обозы и артиллерийские парки, находившиеся на левом берегу Двины, на виду у русских начали стягиваться по дороге в Уллу. Стоявшие здесь же подразделения 8-й пехотной дивизии, кирасирской дивизии и бригады легкой кавалерии демонстративно занимали места вокруг транспортов, как бы собираясь их конвоировать. В 14.30 эти массы начали медленное движение от Полоцка. На них, разумеется, были обращены все подзорные трубы русских командиров и штабов. Однако различить состав колонн и какие-либо другие детали не позволяли окутавшие их громадные облака пыли. В это же самое время, по мостам, скрытым за городскими постройками, на правый берег Двины начали перебрасываться подкрепления.

«В половине четвертого, – пишет Л. Гувьон Сен-Сир, – 8-я дивизия, под начальством генерала Валентина, заменившего Вердье, ...перешла реку по одному из мостов Полоцка непосредственно за частью дивизии Мерля, которая шла сменять по ее позициям дивизию Леграна, стоявшую лагерем у дороги к Петербургу и Невелю. Последняя должна была опереться правым флангом на село Спас, следуя по долине Полоты и скрывая свое передвижение от неприятеля, который ничего не должен был знать о нем; дивизия Валантена должна была следовать за ней на известном расстоянии. Дивизия Мерля составляла левое крыло армии, опирающееся на Двину; в резерве ее на правом фланге находилась швейцарская бригада, под начальством генерала Кандра, расположенная на левом

берегу Полоты; дивизия кирасиров генерала Думерка была в пути, чтобы стать справа от нее и соединиться с остальной армией. Две дивизии 6-го корпуса, находившиеся накануне слева от центра неприятельской армии, куда французский главнокомандующий хотел направить главную атаку, не нуждались ни в каком передвижении; с половины пятого часа они были поддержаны на левом фланге дивизиями Леграна и Валантена, скрытыми так же, как и они, в долине Полоты и за селом Спас».

Ровно в 17.00 (по сообщению Ж. Марбо – в 18 часов) более шестидесяти орудий наполеоновской артиллерии открыли ураганный огонь по центру и левому флангу русских боевых порядков. Одно из первых ядер прошло комнату дома в Присменице, где в этот момент обедал П. Х. Витгенштейн со своим штабом. По счастливой случайности никто не пострадал, т.к. бомба, пробив две стены, взорвалась во дворе. «Золотое перо» Ж. Марбо и здесь вновь уклонилось в фантазии, живописуя, как «...Витгенштейну пришлось выпрыгнуть в окно. Он нашел маленькую казачью лошадку, вскочил на нее и во весь дух бросился по направлению к своим войскам. Наши вольтижеры захватили прекрасных лошадей, штабные бумаги, повозки и вина, принадлежавшие русскому генералу, а также столовое серебро и ужин, который находился на столе».

Интенсивная артподготовка еще продолжалась, когда колонны французской и немецкой пехоты двинулись в атаку. «Невозможно выразить в простом рассказе, – повествует французский маршал, – замешательство, произведенное в русских войсках первыми залпами нашей артиллерии и внезапным появлением наших колонн; каждый бежал к своей лошади, к своему орудию, к своему знамени, за своим оружием. Среди этого смятения, когда дивизия Вреде, выступив справа от села Спас, атаковала неприятеля с левого фланга, храбрый генерал Дюруа, как будто спешивший навстречу смерти, отважно выступив из этого села во главе своей дивизии, двинулся на Присменицу, которую Легран хотел атаковать спереди; в это время дивизия Валантена атаковала русские войска, находившиеся справа от усадьбы Присменицы. Эти четыре дивизии подвигались эшелонами, частью в виде колонн, частью развернутым строем, будучи прочно связаны между собой, и каждая формировала себе резерв. Огонь нашей артиллерии прекратился,

как только наши войска подошли к неприятелю; атака была произведена одновременно, решительно и отважно; в обороне, как и следовало ожидать, было сначала мало порядка и связанности, на что французская армия рассчитывала, и ее ожидания оправдались. Русские выказали в этом деле непоколебимую храбрость и личное мужество, примеры которого можно редко встретить в войсках других наций. Они проявляли чудеса храбрости, но не могли устоять против одновременной атаки четырех тесно сплоченных дивизий, напиравших всей тяжестью на отряды, которые по очереди им противопоставлялись. Нападение было ужасно, борьба продолжалась очень долго; действовали столько же штыком, сколько огнестрельным оружием... Наши войска проникли за переднюю линию их войск, овладели усадьбой Присменица. Их разрозненные батальоны сосредоточились во второй линии и в резерве; мы воспользовались этим временем, чтобы восстановить порядок в наших рядах и подготовиться к новому наступлению, так как можно было предположить, что неприятель сделает еще усилие, прежде чем исчезнуть с поля битвы». Явно увлекшись описанием своих успехов, маршал утверждает, что его солдаты «...оставили за собой большую часть русской артиллерии, и они стреляли только из ружей».

С точки зрения другой стороны, эти события развивались несколько иначе. «Невзирая на действие неприятельской артиллерии и неожиданное наступление их стрелков и пеших колонн, – пишет в своем донесении императору генерал-лейтенант П.Х. Витгенштейн, – наша 5-я дивизия и запасные батальоны полков свернулись в колонны, пошли навстречу наступающему неприятелю, и будучи поддержаны жестоким огнем легкой роты №9 и батарейных №5 и №28, принудили неприятеля вновь к отступлению; причем генерал-майор Качковский был ранен в ногу пулею. Между тем открыл неприятель также батареи свои против правого нашего фланга, но был в скорости сбит 6 орудиями подполковника Мурузи и конной роты №1; столь же удачно действовал и подполковник Мевес с 6 орудиями вверенной ему роты против артиллерии и колонн неприятеля, наступавшего между центром и правым флангом; будучи в скором времени подкреплен батарейною ротою №14, остановил его стремление. В то же время и на

левом фланге продолжался непрерывный огонь. Пехота 5-й дивизии и часть пехоты полковника Властова храбро поддерживаемая тремя эскадронами Гродненского гусарского полка, опрокинули неприятеля и погнали его за Полоту, после чего неприятель получил новое подкрепление. Пехота отряда полковника Властова будучи усилена сводным гренадерским батальоном 14-й дивизии, заняла край лесу, а 5-я пехотная дивизия взяла позицию при мызе Присменице. В сем положении началось жаркое сражение, все поле между Присменицею и Спасом было покрыто трупами неприятельскими, который покушался три раза взять мызу Присменицу и тем прорвать наш центр». О потере нескольких своих орудий генерал-лейтенант умолчал, да и остальные находившиеся на этом участке пушки русские артиллеристы спасли с трудом, как свидетельствуют документы, «...отбиваясь тесаками и банниками».

Более объективными и взвешенными, чем слова обоих командующих, представляются, кажется, наблюдения лейтенанта Т. Леглера. «Из 200 пушек, – вспоминал он, – раздавались на обеих сторонах выстрелы; гром пушечной стрельбы был настолько силен, что ружейной стрельбы почти не было слышно. Наши всюду продвигались вперед, имея большей части по бокам артиллерию. Первая неприятельская линия была отброшена на вторую...».

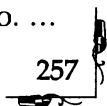
В этот напряженный момент П.Х. Витгенштейн, собрав все, что было под рукой, предпринял мощную контратаку. «Тогда генерал-майор Гамен с батальоном Навагинского и 11-го егерского, – читаем в его реляции, – будучи подкрепляем одним батальоном Тенгинского полка, бросился на наступающие неприятельские колонны к центру, через что опрокинул и истребил их штыками; в то время лейб-гвардии конного полка полковник Протасов кинулся с гвардейскими эскадронами сводного кирасирского полка на три неприятельские колонны, которые старались обойти левый фланг генерал-майора Гамена; эскадрон конной гвардии опрокинул и истребил совершенно две колонны, и третья подвергнулась такой же участи от кавалергардского эскадрона. Генерал-майор Гамен удерживая с упорством занимаемое им место, получил две контузии».

В жестокой схватке под занесшимся вперед А.И. Протасовым был убит конь. Падая, он придавил полковнику ногу, но

подоспевшие кирасиры спасли своего командира от неминуемой смерти или плена. Развить свой успех гвардейская кавалерия не смогла, т.к. была остановлена жарким огнем 29-го полка легкой французской пехоты. Т. Леглер наблюдал, как их «... центр был прорван отрядом неприятельских драгунов... Битва была кровавая, так как неприятель оказывал отчаянное сопротивление». В схватке у фольварка пал командир 19-го полка линейной французской пехоты полковник Ж. Обри и был смертельно ранен в живот командир 19-й баварской дивизии генерал Б. Деруа.

А теперь вновь обратимся к мемуарам Л. Гувьона Сен-Сира. «...Витгенштейн снова выдвинул вперед генерала Гамена, который командовал центром, подкрепленным войсками, еще не вступившими в битву, т.е. частью второй линии и резервом; атака их была поддержана еще несколькими полками кавалерии, между которыми находились части императорской гвардии. Наши дивизии снова поспешно выступили, продолжая наступательное движение, с намерением докончить прорыв центра неприятельской армии и зайти в тыл войскам, находившимся на левом фланге русской армии под начальством генерала Берга и полковника Властова и сражавшихся с баварцами. Войска центра, подкрепленные всей пехотой армии, выдержали новый натиск дивизий Леграна и Валантена с тем же мужеством, какое они выказали при первой атаке; они были поддержаны также атаками своей кавалерии, но последняя была каждый раз отражена нашей пехотой. ...Однако полубригада 8-й дивизии, потерявшая своего начальника... (бригадный генерал Ф. Пуже был ранен в предыдущий день пулей в колено – В.Л.) и состоявшая из очень молодых солдат, поддалась и слегка отступила, что едва не вызвало в этом пункте замешательства, предупрежденного необыкновенной храбростью других войск этой дивизии, что еще увеличило репутацию генерала Мезона, принявшего участие в этом деле. Неприятель, несмотря на все свои усилия, должен был отступить, но понадобилась еще последняя генеральная атака, чтобы окончательно выбить его с поля сражения... Баварцы прорвали левое крыло, причем Берг отступил на Ропно, а Властов по дороге к Невелю. ...

Дивизии Леграна и Валантена порвали центр и часть правого фланга, отбросив русских к большому лесу, находившемуся позади их».

Действительно, почти все поле битвы осталась за союзниками, и к исходу дня на его западной и северо-западной оконечности наблюдались лишь локальные схватки, верх в которых брала то одна, то другая сторона. Так, приказ об отходе к русской гренадерской роте, охранявшей построенный накануне ночью мост через р. Полоту и к эскадрону Гродненских гусар, наблюдавших брод тремя верстами выше по течению, запоздал. В результате более многочисленный противник опрокинул гренадер. Однако командир роты, капитан Крылов, как следует из его наградного листа, сумел пробиться с большей частью своих людей из окружения к своему батальону «...и, соединяясь с ним, споспешествовал к поражению неприятеля». Этот эпизод не обошел в своих мемуарах и французский маршал, отметивший, что русский «...отряд, занимавший мост, ... должен был, чтобы не быть отрезанным, быстро пройти мимо правого фланга стрелков дивизии Вреде; таким образом, большей части их удалось спастись». Что же касается гусар ротмистра Мишаковского, то они, попав в окружение, лихой атакой прорубились сквозь пехоту противника к своим «...с весьма малою потерею».

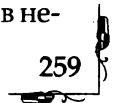
Тем временем на участке, примыкавшем к Двине, сложилась совсем иная ситуация, которую французский маршал довольно расплывчато определил в своих мемуарах как «...случай, вызвавший довольно большой беспорядок позади наших войск. Кавалерийский полк русской гвардии, состоявший из кавалергардов и драгун, бросился между левым флангом 8-й дивизии и правым флангом дивизии кирасиров Думерка, проследовал некоторое время поодиночке через болото, чтобы достичь равнины, где находилась наша бригада легкой кавалерии, и произвел на эту последнюю такое впечатление, что она сделала полуоборот, не осмелившись атаковать его. Эта бригада, состоявшая из трех полков, правда, слабых и сформированных из новобранцев, несмотря на все усилия командира (генерала Корбино), чтобы удержать его на месте, опрокинулась в беспорядочном бегстве на большую батарею 2-го корпуса и помешала ей стрелять...»

Так все и было, только с двумя эскадронами лейб-кирасир в этой атаке участвовали по одному эскадрону Рижских драгун и Гродненских гусар. «Эскадроны эти, – записано в полковой истории последних, – выстроив фронт на ходу, врубилась в неприятельскую кавалерию и опрокинули ее на свою же батарею. Наш эскадрон порубил прислугу орудий, 15 орудий заклепал и 2 орудия увез... В этой атаке Гродненский эскадрон потерял всех своих офицеров. Командир эскадрона ротмистр Дятков и корнет Шестаковский были убиты, а поручик Неелов был найден потом полумертвым и весь израненный».

Сам французский главнокомандующий, перемещавшийся в это время из центра на свой левый фланг в легкой повозке (болезненная рана в правую ногу не позволяла ему ездить верхом) внезапно оказался в самой гуще схватки. Как вспоминал потом маршал, «...он поравнялся с бригадой Корбино, убегавшей от русской кавалерии, которая уже рубила саблями людей баварской артиллерии и отняла два орудия. ...Застигнутая врасплох артиллерия поспешно отступила частью по дороге к Полоцку, частью вдоль стены кладбища св. Ксаверия, где главнокомандующий до начала сражения поместил отряд в сто человек, чтобы предупредить случайность такого рода. Среди этого беспорядка лошади, запряженные в линейку, в которой ехал главнокомандующий, испугались и, опрокинув ее, потащили кучера среди убегающих к Полоцку артиллерийских зарядных ящиков; главнокомандующий очутился посреди неприятельского эскадрона, который вызвал все это смущение, и благодаря почти непонятному счастью пробрался в долину Полоты, крутые берега которой препятствуют в этом месте спуску кавалерии. Офицер генерального штаба, оставшийся с ним, помог ему спуститься вниз, и он направился к швейцарской бригаде, находившейся в резерве...». Русских кавалеристов смогла только остановить мощная контратака 4-го кирасирского полка и пехотной бригады генерала Ф. Амея, которая, в свою очередь, была остановлена картечными залпами русских орудий подполковника И.О. Сухозанета.

Однако в целом, несмотря на этот и ряд других частных эпизодов, к исходу дня сражение русским командующим было проиграно, его войска откатывались по Невельскому и Себежскому трактам. «Часть русской пехоты, – пишет Т. Леглер, – в не-

возможности спастись по дорогам, отправилась в лес и избежала, таким образом, встречи с нашей кавалерией, следовавшей за ней по пятам. Произойди закат солнца несколькими часами позже, неприятель потерял бы половину своих людей; но ночь спасла бегущих». Меньше оптимизма выказал в своих воспоминаниях другой участник сражения, баварец Г. Шумахер. «Наконец, – пишет он, – русские принуждены были оставить поле битвы. Но они отступили всего на несколько верст».

9 августа корпус П. Х. Витгенштейна сосредоточился на правом берегу р. Дриссы, у д. Сивошино, блокируя возможные наступательные действия противника сильным авангардом у с. Белое.

Обе стороны понесли в 1-й Полоцкой битве значительные потери, данные о которых сильно разнятся. В воспоминаниях Т. Леглера говорится о своих нескольких погибших старших и 120 младших офицерах, 2 тысячах убитых и 3 тысячах раненых унтер-офицерах и рядовых. О «громадных потерях» баварцев свидетельствует Г. Шумахер, не называя, однако, конкретных цифр. Зато их приводит в своем донесении П. Х. Витгенштейн – 5 тысяч человек (половина баварского корпуса). Французские военные историки полагают, что в этом сражении объединенные корпуса лишились около 3 тысяч бойцов (1 тысяча в первый день, 2 тысячи во второй день). Л. Гувьон Сен-Сир заявлял о своих потерях в 2 тысячи человек. «В этом деле, – пишет он, – были ранены генералы Валантен и Рагловиц, генерал Винценти был ранен накануне. Но самую чувствительную потерю мы понесли в лице доблестного генерала Дюруа. ...Ему было около восьмидесяти лет, он был старейшим и самым доблестным из генералов Европы, в последнее время он, по-видимому, имел только одно желание закончить свою долгую военную карьеру на поле брани. Его смерть вызвала горячие сожаления среди французской и баварской армий». Б. фон Дюруа скончался от полученной раны 11 августа и был похоронен со всеми воинскими почестями в полоцком храме Св. Ксаверия (по другим сведениям – рядом с генералом Ю. Зибейном на городском католическом кладбище). Добавим, что в числе наполеоновских военачальников, получивших в этой битве ранения разной тяжести были также бригадный генерал Ф. Пуже, маршал Н. Удино и сам Л. Гувьон Сен-Сир.

Потери русской стороны были сопоставимы с потерями противника. В мемориале московского храма Христа Спасителя приведена цифра в 5,5 тысяч человек. Л. Гувьон Сен-Сир определил русские потери в 3–4 тысячи человек (из них 1, тысячи пленными) и 14 орудий (в действительности 7). Т. Леглер пишет о доставленных после битвы в Полоцк 1000 русских пленнх, среди которых он видел нескольких офицеров и даже, якобы, одного генерала. П. Х. Витгенштейн докладывал в Санкт-Петербург о своих 3 раненых генералах, 22 убитых и 98 раненых офицерах, 1492 убитых и 2743 раненых нижних чинах (всего 4358 чел.). И, наконец, из десятидневных строевых рапортов русских частей, принимавших участие в сражении, видно, что их потери составили 4702 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Вскоре после победы при Полоцке Наполеон произвел Л. Гувьона Сен-Сира (единственного за всю кампанию 1812 года) в маршалы Франции.

Первому Полоцкому сражению посвящена 10-я стена мемориала храма Христа Спасителя в Москве. Здесь перечислены все участвовавшие в битве воинские части и подразделения, награжденные орденами Св. Георгия 3 и 4 классов.

Белое, 10 августа. Бой у с. Белое Полоцкого повета Витебской губернии (ныне д. Азино Полоцкого района Витебской области) произошел 10 (22) августа 1812 года. Авангарду (5 батальонов, 12 орудий, ок. 2 500 человек) 6-го (баварского) корпуса «Великой армии» под командованием дивизионного генерала К. Вреде здесь противостоял авангард (6 батальонов, 8 эскадронов, 5 сотен иррегулярной кавалерии, 8 орудий, ок. 2 700 человек) 1-го отдельного пехотного корпуса русской армии под командованием полковника Е. И. Властова.

Отводя после 1-го Полоцкого сражения главные силы своего корпуса на правый берег р. Дриссы, П. Х. Витгенштейн оставил 9 августа у с. Белое, при Себежском тракте в 17 верстах от Полоцка, сильный отряд прикрытия. Рядом находилось довольно глубокое, протяженностью с версту, одноименное озеро. Справа и слева от дороги лежали густые леса. Командиру русского авангарда полковнику Е. И. Властову была поставлена задача как можно дольше удерживать противника в этом лесисто-

